

ГЕРОИЧЕСКИЕ СТРАНИЦЫ БОЕВОГО ПРОШЛОГО НАРОДОВ НАШЕЙ СТРАНЫ

ПОДВИГ РУССКОГО НАРОДА В НАЧАЛЕ XVII СТОЛЕТИЯ

В. И. Корецкий

В начале XVII в. в России разыгрались бурные события. Иностранцы-современники называли их «московской трагедией», а русские — кратко и выразительно «смутой». В них причудливо переплелись борьба за власть в феодальных верхах, Крестьянская война, иностранная интервенция и освободительное движение народов России. В первые годы нового столетия на Руси разразился страшный голод, унесший до одной трети населения страны. Страдания крепостных крестьян и холопов достигли невиданных размеров. Вспыхнуло восстание Хлопка — первый акт Крестьянской войны. В 1605 г. новая волна Крестьянской войны вознесла на московский престол Лжедмитрия I, вторгшегося в Россию с помощью польского короля Сигизмунда III, польских магнатов и Ватикана. Однако самозванец, оказавшись на троне, не оправдал надежд своих покровителей и вскоре был свергнут боярами-заговорщиками во главе с Василием Шуйским, провозглашенным царем. В 1606 г. разразилось восстание И. И. Болотникова, которое стало кульминационным пунктом Крестьянской войны начала XVII века. На его исходе польские магнаты выдвинули нового самозванца. В дальнейшем в русские дела вмешалась и Швеция.

1. Лжедмитрий II

Новоявленный самозванец, Лжедмитрий II, объявился в Стародубе-Северском летом 1607 года. Кто скрывался на сей раз под именем царевича, осталось неизвестным. В царских грамотах называли нового претендента на московский престол «стародубским вором». Современники строили различные догадки, кем он мог быть. Наиболее подробно о первоначальном появлении этого самозванца говорится в «Баркулабовской летописи». По словам белорусского летописца, самозванец учил детей грамоте у шкловского попа, затем у могилевского, был человеком незначительным, старавшимся всем угодить, одетым очень бедно — «кожух плохий, шлык баряний, в лете в том ходил». Из Могилева он перебрался в Пропойск, где был посажен в тюрьму как лазутчик. По повелению старосты пана Зеновича его освободили из тюрьмы и препроводили за московскую границу. Новый самозванец попал в поле зрения польских шляхтичей, активно содействовавших его начинанию. Очутившись в районе Стародуба, он начал писать грамоты по всей Белоруссии, чтобы к нему собирались «люде рыцерские, люде охотные» и даже «гроши брали его». С этими наемниками он и двинулся на Стародуб¹. Лжедмитрий II, заручившись поддержкой и получив материальную помощь со стороны польских магнатов и шляхтичей, стал в их руках с самого начала простой марионеткой. Летом 1607 г. в Польше закончился очередной шляхетский «рокош» (мятеж) против Сигизмунда III. Потерпев в начале июля серьезное поражение, рокошане, чтобы избежать королевской мести, потянулись к самозванцу. Искать славу и добычу на Русской земле пошли и некоторые сторонники короля, отчаявшись получить от него обещанное жалованье. Сигизмунда III это устраивало: он издавна вынашивал захватнические планы в отношении России, стремясь воспользоваться ее внутренними затруднениями.

¹ А. Н. Мальцев. Баркулабовская летопись. «Археографический ежегодник за 1960 г.». М. 1962, стр. 317—318.

Едва в августе 1607 г. Лжедмитрий II собрал несколько тысяч поляков и казаков, как он направился на выручку Тулы, откуда раздавались отчаянные просьбы осажденных болотниковцев о помощи. Лжедмитрий II занял Почеп, Карачев, Козельск и дошел в октябре до Белева, встречая повсюду поддержку населения, недовольного боярским царем В. Шуйским. Самозванец, в свою очередь, сулил русским людям различные блага, чего у них «и на разуме нет». Однако на решительную помощь Болотникову он не отважился, так как опасался сильного царского войска. Затопленная Тула пала. Болотников, поверив обещаниям В. Шуйского сохранить жизнь ему и его воинам и отпустить их на свободу, сдался, надеясь снова возобновить борьбу, но попал в ловушку.

Узнав о сдаче Тулы, самозванец проселочными дорогами бежал в Комарицкую волость, где к нему присоединились новые отряды польских шляхтичей во главе с Тышкевичем, А. Вишневецким, Валивским и другими. В это время в стане самозванца заправлял пан Меховецкий, который, по словам польского участника интервенции С. Маскевича, заставлял Лжедмитрия II «плясать под свою дудку»². Польские шляхтичи вели себя своевольно, грабили и убивали, а при всякой попытке самозванца урезонить их грозились забрать добычу и уйти от него.

Василий Шуйский занял Тулу, но, не имея достаточно сил расправиться с самозванцем, не стал преследовать его войско. Царь торжественно въехал в столицу, сидя в обитой красным сукном повозке, в которую были впряжены четыре белые лошади. До двух тысяч бояр и дворян сопровождали его верхом. «Царевич Петр» и Болотников были выставлены на всеобщее обозрение как зримое свидетельство царского триумфа.

Но победа не была полной. Государственная власть, ослабленная тяжелой борьбой с Болотниковым и запятнавшая себя в лице своего верховного носителя клятвопреступлением, слабела, ее авторитет падал. Страна была далека от замирения. Не одолев до конца повстанцев, Шуйский распорядился заключить несколько тысяч бывших болотниковцев в тюрьмы, сослать в Сибирь, казнить. Погибли и вожди восставших. Другие, отпущенные на свободу из-под Тулы воины болотниковцев жаждали отомстить вероломному царю и шли к самозванцу. «Донские и волжские казаки и все те люди, которые в Туле с вором с Петрушкою сидели, — свидетельствует летописец, — к нему же вору приложились, не жотячи у царя Василья Ивановича всеа Русии в покоренье быти...»³. В пограничных районах вновь вспыхнуло крестьянское восстание. Местные помещики реагировали на него по-разному. Часть из них, опасаясь потерять свои поместья, перешла на сторону второго самозванца, другие же, числом более тысячи, из страха перед своими крестьянами и холопами бежали в Москву к В. Шуйскому.

Взросшее войско самозванца двинулось к Брянску. Военные действия под Брянском велись почти два месяца, но этот город Лжедмитрию II взять не удалось, и тогда он отступил на зимовку к Орлу. Сюда к нему прибыл гетман Р. Ружинский с многочисленным польским отрядом. Он быстро взял верх над Меховецким и полностью подчинил себе Лжедмитрия II. В окружении Шуйского не без основания говорили, что самозванца «водят с собою» по России «королевские люди» — «князь Роман Ружинский да князь Адам Вишневецкий с товарищи, называючи его прежним именем, как убитый рострига назывался, царевичем Дмитрием Ивановичем»⁴. Появился у самозванца и польский шляхтич Лисовский, приговоренный у себя на родине за участие в «крокоше» к смертной казни.

Классовая и национальная неоднородность войска Лжедмитрия II, наличие в нем наряду с польскими и русскими феодалами казаков и бывших болотниковцев породили раздоры в его стане, а в дальнейшем способствовали развалу этого стана. Не могли они не сказаться и на политике самозванца, особенно по крестьянскому вопро-

² Н. Устрялов. Сказания современников о Дмитрии самозванце. Ч. II. СПб. 1859, стр. 21.

³ Из обнаруженной нами летописи, составленной современником в начале 30-х годов XVII в. на западе России. Эта летопись будет напечатана в последующих номерах журнала «Вопросы истории».

⁴ Д. Бутурлин. История смутного времени в России в начале XVII века. Ч. II. СПб. 1841. Приложения, стр. 69.

су. В обстановке вспыхнувшего с новой силой в Северной земле крестьянского восстания Лжедмитрий II прибегнул к социальной демагогии, обещая крестьянам и холопам волю. Части крестьян самозванец действительно передал поместья бежавших в Москву дворян, хотя в целом он придерживался закрепостительного курса. Но пока народные массы верили авантюристу и шли за ним, ему был обеспечен успех.

Зимой и весной 1608 г. В. Шуйский сконцентрировал военные силы под Болховом. Кроме того, тогда же он провел ряд законодательных актов о холопах, стремясь заручиться поддержкой дворян, участвовавших в подавлении восстания Болотникова, и в то же время внести раскол в среду холопов, оказавшихся в лагере Лжедмитрия II⁵. Решающее сражение произошло под Болховом 30 апреля—1 мая 1608 года. Брат царя Д. И. Шуйский выказал в этом бою свою бездарность: в разгар сражения, когда исход его еще не определился, он приказал отводить «наряд» (артиллерию) к Болхову. Ружинский, узнав об этом от перебежчика, бросил в бой все наличные силы, и исход сражения тем самым был предreshен. Дорога на Москву оказалась открытой.

Наступление на столицу велось двумя путями. Сам самозванец двигался через Калугу и Можайск, обеспечивая себе коммуникации с Польшей, откуда к нему подходили новые подкрепления. Через Рязанщину наступал Лисовский. Отправленный самозванцем весной 1608 г. собирать остатки болотниковской рати, он довел свое войско до 30 тысяч. Лисовский взял Михайлов, Зарайск, а затем и Коломну, но на марше к Москве его разбил князь И. С. Куракин и отбросил за Коломну. Лишь спустя три месяца Лисовскому удалось соединиться с Лжедмитрием II.

Обойдя с правого фланга высланное ему навстречу царское войско, в рядах которого обнаружилась «шатость», самозванец в начале июня 1608 г. вышел к Москве. Свой укрепленный лагерь он устроил между реками Москвою и Сходнею на высоком холме за селом Тушином. В дальнейшем его стали называть «Тушинским вором», а его сторонников — «тушинцами». 25 июня «на утренней заре» Ружинский предпринял дерзкую атаку, надеясь ворваться в столицу на плечах захваченных врасплох москвичей. Однако отступать пришлось ему самому. Воинских людей в Москве было немного, но они намерены были сражаться до конца. Столицу обороняли в основном московские стрельцы.

Готовясь к длительной борьбе, царь Шуйский вызвал войско из Смоленска и приказал идти в столицу князю И. Шереметеву, стоявшему на о-ве Балчике перед восставшей Астраханью. Не сумев овладеть Москвой штурмом, самозванец решил взять ее измором. Рядом с древней столицей выросла новая, «тушинская». Сюда со всех сторон сгоняли крестьян. Возводились укрепления, строились новые дома. Самозванец создал свои приказы, завел свою боярскую думу. Он раздавал чины, жаловал поместья и вотчины, устраивал приемы. Для полного антуража «тушинскому царю» не хватало царицы. Марина Мнишек томилась со своим отцом в Ярославле, и вызволить ее оттуда в ближайшее время не представлялось возможным. Однако пророчески Шуйского помог самозванцу.

25 июля 1608 г. был заключен договор с Польшей о перемирии на 3 года и 11 месяцев. Царь намеревался отпустить на родину задержанных после майского восстания 1606 г. в Москве, когда был свергнут Лжедмитрий I, польских послов и других поляков, в том числе Марину с отцом. В свою очередь, Сигизмунд III обязывался отозвать из России поляков, сражавшихся на стороне самозванца. По мысли Шуйского, этот договор должен был лишить «Тушинского вора» польской помощи и закрепить отказ Марины и ее окружения от каких-либо притязаний на московский престол. Однако надежды царя не оправдались. Шуйский выполнил условия договора, а попытки короля совладать с непокорной шляхтой из лагеря Лжедмитрия II окончились безрезультатно. Видимо, король и не прилагал к тому особых усилий, сам готовясь к вторжению в Россию. Не удалось Шуйскому удалить из России и Марину. На пути в Польшу, в Бельском уезде, она была перехвачена отрядом Зборовского, посланным от самозванца. Польский хронист М. Стадницкий сообщает, что «пленению» Марины предшествовали ее тайные переговоры с Лжедмитрием II.

⁵ В. И. Корецкий. К истории формирования крепостного права в России. «Вопросы истории», 1964, № 6, стр. 93—94.

В Тушине Марина и самозванец тайно обвенчались. Ее отцу, Юрию Мнишку, самозванец обещал по вступлении на престол 300 тысяч рублей золотом и многие города, в числе которых были названы Чернигов, Брянск и Смоленск. Признание Мариной Лжедмитрия II своим мужем способствовало укреплению его авторитета. Однако решающий голос принадлежал польским шляхтичам. При самозванце действовали так называемые «децемвиры» — десять шляхтичей, представителей польского войска, которые определяли все поступки «Тушинского вора». Такое положение дел еще более закрепилось с приходом в Тушино крупнейшего литовского магната Яна Сапеги. Марина, ревностная католичка, обещала папскому нунцию в Польше Сермонту содействовать распространению в России «римско-католической веры». Иезуитами был составлен специальный наказ, предусматривавший полное подчинение Лжедмитрия II Ватикану.

Стремясь блокировать Москву полностью, тушинцы решили перерезать дороги, связывавшие ее со страной. На север от столицы отправился Сапега. У деревни Рахманцевой он разбил войско царского брата Ивана. 23 сентября 1608 г. войско Сапеги подошло к Троице-Сергиеву монастырю. Интервенты предвкушали обильную наживу, надеясь разграбить богатую монастырскую казну. Однако предложение Сапеги о сдаче было решительно отклонено осажденными, заявившими, что они не откроют ворота, даже если бы им пришлось сидеть в осаде и терпеть лишения десять лет. Началась знаменитая 16-месячная осада монастыря иноземцами.

Троице-Сергиев монастырь представлял собой настоящую крепость. В нем находилось до 300 стрельцов во главе с Г. Долгоруким и А. Голохвастовым. Имелась артиллерия. За мощными стенами монастыря укрылось много окрестных крестьян, принявших активное участие в обороне. Сражались и монахи, особенно активно монастырские слуги. Ремесленники ремонтировали укрепления и вооружение, изготавливали различные «военные хитрости». Хотя силы были неравными (15—20-тысячному тушинскому войску противостояло лишь до 3 тысяч защитников монастыря), неоднократные попытки интервентов взять монастырь приступом были отбиты. Не принесли успеха и многочисленные подкобы. Осажденные вовремя взрывали их. Они беспрерывно тревожили интервентов вылазками. В монастыре велась особая «Выпись вылазкам». Во время одной из вылазок крестьяне Клементьевской слободы Никон Шилов и Слота взорвали неприятельский подкоп, пожертвовав собой. Боевой подвиг совершил крестьянин села Молокова, по прозвищу Суета, который остановил своих отступавших товарищей и увлек их за собой на врага со словами: «Се умру днесь или славу получу от всех». Крестьянин Данило Селевин отличился при нападении на вражескую батарею. Отмечены боевые заслуги и многих других крестьян.

Ни голод, ни болезни не могли сломить решимости защитников монастыря. Во время очередного приступа поднимались на ноги все, от мала до велика. Рядом с мужчинами сражались женщины. Подходивших к стенам тушинцев встречали огнем из пушек и пищалей. В них бросали камни, обливали кипятком, поливали раскаленной смолой. Келарь монастыря Авраамий Палицын, который жил во время осады на монастырском подворье в Москве, впоследствии описал осаду по монастырским записям и рассказам очевидцев. Им приведен любопытный эпизод. Прибывший под монастырь летом 1609 г. Зборовский едко выговаривал Сапеге и Лисовскому за их неудачи, сравнивая насмешливо Троице-Сергиев монастырь с «лукошком», а его защитников — с «воронами»: «Что бездельное ваше стояние под лукошком? Что то лукошко взять да ворон передавити?» Когда же Зборовский, в свою очередь, положив у стен монастыря множество своих воинов, не смог взять «лукошка», пришел черед смеяться Сапеге и Лисовскому⁶.

К югу от Москвы основным объектом военных действий тушинцев стала Коломна. Сюда двинулся отряд Хмелевского, но его натиск был отбит. Новая попытка овладеть Коломной была пресечена князем Д. М. Пожарским, посланным царем из Москвы на помощь коломенскому гарнизону. Это не дало им возможности замкнуть кольцо блокады и отрезать столицу от Рязани, откуда она получала хлеб и подкрепления.

Между Москвой и Тушином установились своеобразные отношения. Царь Василий, не желая держать недовольных в Москве из опасения восстания, не препятство-

⁶ «Сказание Авраамия Палицына». М.-Л. 1955, стр. 181, 183.

вал их уходу к самозванцу в Тушино. Последний, в свою очередь, не чинил препятствий тому, кто хотел уехать в Москву. В поисках чинов и богатства некоторые феодалы не раз перебежали из Москвы в Тушино и обратно. Таких людей в народе метко окрестили «тушинскими перелетами». Известный публицист, сочинение которого широко использовал Авраамий Палицын, посвятил «перелетам» яркие страницы. «Послужив» в Тушине и получив там «жалованье», «перелет» возвращался к царю Василию, который старался задобрить его еще большими дарами и почестями. Обласканный Шуйским переезжал затем к самозванцу. И так происходило, замечает публицист, «не дважды, но пять крат и десять». «Перелетам» способствовало и то, что многие боярские и дворянские семьи, стремясь к бесприкрышной игре, хотели иметь своих родичей и у Василия Шуйского и у «царика». При подобном положении в случае победы одной из сторон у них всегда нашлись бы защитники в одержавшем верх стане.

Не добившись полной блокады Москвы, тушинцы попытались захватить как можно большую территорию. Подпали под их власть Псков (1 сентября 1608 г.), новгородские пятины, Белая, Торопец, Ржев и другие «порубежные», тверские и смоленские города. Отряды тушинцев устремились на восток от столицы, к поволжским и заволжским городам. И здесь им удалось добиться серьезных успехов. Многие города были захвачены врасплох. Позднее русские люди сокрушались: «жили просто, совету де и оберегания не было».

2. Народная борьба против тушинцев в 1608—1609 годах

В ту пору многие русские люди еще не осознали, что несет им в конечном счете тушинская власть. Связи с Москвой были прерваны. Предоставленные собственной инициативе воеводы, привыкшие получать указания из центра, растерялись, а в некоторых северных городах к моменту подхода интервентов их вообще не оказалось. Все это способствовало успехам тушинцев. Но главное заключалось в том, что горожане и крестьяне какое-то время поддерживали Лжедмитрия II. Посадские люди ждали от него облегчения налогового бремени. Крестьяне и холопы связывали с ним надежды на смягчение крепостного гнета⁷. С приближением тушинских отрядов они поднимались на своих господ. Тушинцы захватили огромную территорию, в том числе города Суздаль, Ростов, Ярославль, Вологду, Кострому, Галич и другие, но поставленной цели опять-таки не достигли. Расчет их состоял в том, чтобы распространить свою власть на основную территорию страны, захватить жизненно важные центры и принудить Москву сдаться. Однако этот расчет не удался. Тушинцы были отброшены от Нижнего Новгорода, Великий Устюг, Пермь и Вятка, не говоря уже о Сибири, оказались для них недостижимыми. Несмотря на то, что они утвердились в Пскове, Великий Новгород не признал их власти. Они захватили западное пограничье, но ничего не могли поделать со Смоленском. Даже на юге, где они были особенно сильны, их не признали ни Коломна, ни Рязань. Названные города, не признавшие власть тушинцев, стали главными организующими центрами борьбы, вскоре поднявшейся против них на оккупированных территориях.

К тому же истинный характер тушинской власти обнаружился довольно скоро. Самозванцу ярославцы уплатили огромную контрибуцию в 30 тысяч рублей. И тем не менее польские военачальники, нарушив выговоренные жителями Ярославля условия, ввели на постой тысячу конных воинов, которых горожане должны были снабжать фуражом и хлебом. Захватчики бесчинствовали на улицах. От них нельзя было укрыться ни в лавках, ни в домах. Они отбирали у купцов все, что им приглянется. Дело кончилось тем, что ключник Лжедмитрия II Рязанов, присланный в город, вообще «у торговых людей лавки и всякие товары запечатал». Торговля замерла. Купцы начали разбегаться.

Такой же погром интервенты учинили в Вологде. Здесь их особенно интересовало «красное питье» — заморские вина, которые скопились в этом городе, не попав к царскому двору. Они начали переписывать у торговцев «рыбу всякую и рыбных ловцов и ловли рыбные всякие, а ловити велено свежую рыбу ловцом на него, который

⁷ И. С. Шепелев. Освободительная и классовая борьба в Русском государстве в 1608—1610 гг. Пятигорск. 1957, стр. 194—195.

называет князем Дмитрием, пять дней и пять ночей, а шестой день велено ловить на дворецком его, на князя Семена Звенигородского»⁸. Для ловли на самих себя вологодцам оставалось только воскресенье. Велики были сборы и с уездных крестьян. В Вологодском уезде крестьяне, помимо людей с лошадьми и санями, должны были поставить много разных припасов и снеди.

Одна контрибуция сменяла другую. По всей стране разбрелись «загонные люди» — фуражиры тушинцев. За сборщиками Лжедмитрия II ехали посланцы от Сапеги, которых сменяли люди Лисовского или Ружинского. Иногда было наоборот. Но результат один и тот же. Все они именем «царя Дмитрия» разоряли страну. Зато в Тушине царю изобилие. По свидетельству современника событий К. Буссова, «они завалили лагерь всяким провиантом: маслом, мукой, медом, питьевыми медами, солодом, вином, всевозможным скотом в таком изобилии, что можно было удивляться. Головы, ноги, печень, легкие и другие внутренности животных выбрасывались, и их так много лежало всюду на проходах в лагере, что собаки не могли всего сожрать, и из-за этого в лагере распространилось такое зловоние, что даже стали опасаться мора. Ежедневно самые маленькие люди в лагере варили и жарили, чтоб только есть отменного, пили больше меда, чем пива, в таком изобилии был найден сотовый мед у крестьян и в монастырях»⁹.

О страшном погроме сообщали в своем челобитье крестьяне Окружной волости и Марковских лесов Переславского уезда. Интервенты убили и ранили 122 человека, забрали 385 лошадей, 600 коров и быков, 616 овец, 2 315 свиней, «вымучили», кроме того, 693 рубля 8 алтын и 3 деньги. Некоторые крестьяне остались лишь «душую да телом». Крестьяне жаловались, что пришельцы их «бьют и грабят и жен емлют... на постель». Избегая позора, «многие девки и женки со страсти по лесам в нынешнюю зимнюю пору от стужи померли»¹⁰. Грабежам и насилиям подвергались не только крестьяне и посадские люди, но бояре, помещики и духовенство. Эти действия тушинской власти русские люди воспринимали как возврат к бесчинствам и буйствам удельных времен: «Все города отдают паном в жалованье, в вотчины, как и прежде сего уделья бывали»¹¹.

Бесперывные военные контрибуции, тяжкие правежи, попытки возродить худшие времена удельных своеволий порождали в стране глубокое недовольство тушинским режимом. Происходил перелом в настроениях широких народных масс. Люди уходили в леса и болота, спалив жилища, попрятав или захватив с собой имущество. Из своих убежищ беглецы предпринимали дерзкие вылазки и убивали тушинских фуражиров. Появились первые партизанские отряды, ставшие в дальнейшем грозными для захватчиков¹².

Инициатива борьбы с интервентами принадлежала посадским людям и крестьянам. Дворяне же в начале национально-освободительного движения проявляли колебания в зависимости от того, на чью сторону клонился успех. В «Новом летописце» нарисована яркая картина начала народного движения против интервентов. Главная роль отведена «черным людям» — посадским и волостным: «Бог же вложи мысль добрую во всех черных людей, и начаша збиратися по городом и по волостем: во Юрьевце Поволском собравшася с сытником с Федором Красным, на Решме с крестьянином з Гришкою с Лапшою, на Балахне с Ивашком с Кувшинниковым, в Городце с Федькою Нагавицыным, на Холую Илейка Деньгин»¹³. Эти отряды, соединившись, пошли на Лух, а затем Шую. Лухские же дворяне, выступившие на стороне интервентов, подверглись разгрому. Восставшие «домы их разориша», а самих дворян отослали в Нижний Новгород, мощную поддержку которого чувствовали за своей спиной.

Еще более разителен пример галичских и костромских дворян. В ноябре 1608 г. они вместе с посадскими и волостными людьми поднялись против интервентов, торжественно целовали крест «задин умереть», совокупно двинулись к Ярославлю, но

⁸ «Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Академии наук» (ААЭ). Т. II. СПб. 1836, № 88.

⁹ К. Буссов. Московская хроника. 1584—1613. М.-Л. 1961, стр. 156.

¹⁰ И. С. Шепелев. Указ. соч., стр. 290—291.

¹¹ ААЭ. Т. II, № 88.

¹² В. И. Шунков. Народная борьба против польских и шведских оккупантов в начале XVII в. «Исторический журнал», 1945, №№ 1—2, стр. 3—8.

¹³ «Полное собрание русских летописей» (ПСРЛ). Т. XIV. М. 1965, стр. 86.

с приходом сюда крупного отряда Лисовского дрогнули и со своей дворней числом до 1700 человек перешли на его сторону. Они помогли Лисовскому вновь занять Кострому и Галич, отбить у «мужиков» пушки. Однако с уходом отряда интервентов на правый берег Волги посадские люди и крестьяне, получив подкрепления из Вологды и Великого Устюга, взяли реванш. Многие дворяне были убиты, другие сдались на милость победителей. Повинившихся «в изменах» пленных дворян «до государева указа пометали в тюрьму»¹⁴.

Национально-освободительное движение на начальной стадии испытывало большие трудности не только из-за «шатости» дворянства. Некоторые северные города, знавшие о правлении тушинцев лишь понаслышке, занимали выжидательную позицию. Устюжане, например, советовали сольвычегодцам не спешить целовать крест «царю Дмитрию», поскольку еще неизвестно, чем кончится его предприятие. Свой совет они обосновывали тем, что «еще до нас далеко, успеем с повинною послать».

Но постепенно движение росло, крепло, политически зрело. В борьбу с интервентами включались все новые и новые города. Нижний Новгород и Ярославль, освобожденный в апреле 1609 г., стали главными организующими центрами движения. Крупная роль в консолидации сил принадлежала также Вологде и Великому Устюгу. Устюжане были убеждены, что русским людям, выступившим против интервентов, надобно «и ожить и умереть заодно».

В обстановке развала центральной и местной государственной власти пробуждаются посадские и волостные миры, которые выходят из-под жесткой дворянской опеки. Дело организации борьбы с интервентами взяли в свои руки городские советы, избранные посадскими «мирами» с участием дворян и даже волостных крестьян в лице так называемых «приговорных людей»¹⁵. На севере страны городские советы проводили посолские сборы (мобилизацию ополченцев), обеспечивали их оружием и боеприпасами. Во главе отрядов ополченцев становились выборные военачальники. Города вступали друг с другом в оживленную переписку, обращались с просьбами о присылке денег, ратных людей, вооружения и т. п. Ярославцы, например, летом 1609 г. просили сольвычегодцев прислать им пушек и пищалей, пороху и свинца.

Решительное сопротивление интервентам оказала Устюжна Железопольская. Когда 6 декабря 1608 г. белозеры предупредили устюжан о приближении польского отряда, в городе не было ни воеводы, ни ратных людей. Отсутствовали и какие-либо укрепления. Но все это не могло заставить жителей отказаться от сопротивления. Они создали выборное управление, избрав три головы и совет из 20 человек, в котором посадские люди и дворяне получили равное представительство. Власть в городе перешла в руки этого совета. Была проведена общая мобилизация всех устюжан, способных носить оружие; назначены десятники, пятидесятники и сотники; вокруг города спешно возведены укрепления. Деятельность совета не прекратилась и с прибытием в город царского воеводы Ртищева. Напротив, сам воевода нуждался в подтверждении своего назначения со стороны совета и был «избран» устюжанами на пост, уготованный ему парем Василием.

В конце декабря 1608 г. устюжане разбили передовой польский отряд Застолбского, но в январе 1609 г. потерпели поражение. Неудача не обескуражила жителей Устюжны. Они усилили городскую оборону, послали «ходоков» к М. В. Скопину-Шуйскому в Новгород и сумели получить от него порох, 100 ратников и артиллерию. Предпринятый тушинцами 3 февраля 1609 г. приступ был отбит с участием всего населения: «и тако шедше все людие от мала даже и до велика, старии и младии, и жены и дети стаха по острогу, ждуще безбожных литвы и поляков». В конце концов интервенты были вынуждены снять осаду города и отступить.

Кипучая деятельность северных городов привела весной 1609 г. к освобождению всего Заволжья, а на востоке от Москвы — Блязьменского края. Успехами земского движения пытался воспользоваться Василий Шуйский. Но он не имел ясного пред-

¹⁴ С. Ф. Платонов. Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. М. 1937, стр. 303.

¹⁵ О деятельности земских организаций и их роли в национально-освободительной борьбе см. Н. Л. Рубинштейн. Возникновение народного ополчения в России в начале XVII века. «Труды» Государственного исторического музея. Вып. XX (Военно-исторический сборник). М. 1948, стр. 47—84.

ставления о развитии событий на местах, а собственное положение склонен был приукрашивать, хотя на деле оно было крайне шатким. В феврале 1609 г. провинциальные и некоторые московские дворяне предприняли неудавшуюся попытку свергнуть Шуйского. Между тем царь предпочитал об этом умалчивать в грамотах, рисуя положение в Москве и свое собственное в наиболее выгодном для себя свете. Он пытался поднять народные массы на борьбу, идя на заведомый обман, и, конечно, его призывы не находили отклика в сердцах русских людей.

Значительно серьезнее отнесся к земскому движению его талантливый племянник князь М. В. Скопин-Шуйский, посланный летом 1608 г. в Новгород собирать на помощь осажденной Москве ратную силу, в том числе и иноземную (имелось в виду нанять на русскую службу шведов). Он сумел установить связи со всем русским Севером от Перми до Соловецкого монастыря. В грамотах, требуя денег и воинов, Скопин-Шуйский обращался не к воеводам, а к земским людям, которым принадлежала реальная власть на местах. Со своей стороны, жители северных городов посылали к нему в Новгород «ходоков» с различными просьбами и известиями. Так, «ходокам» из Устюжны Железопольской, помимо указанной выше помощи, была дана еще и инструкция, «как с нечестивыми братися [биться]». В Новгороде Скопин собирал русских служилых людей, новгородских помещиков. На службу к нему прибыли даже «вольные казаки» приказа Тимофея Шарова, в прошлом сражавшегося в армии Болотникова. Перед выступлением из Новгорода у Скопина было уже от 3 до 5 тысяч русских воинов из дворян, посадских людей и крестьян.

Одновременно по поручению царя он вел переговоры со Швецией о получении военной помощи. Согласно заключенному в феврале 1609 г. Выборгскому договору, шведский король Карл IX в обмен на г. Корелу с уездом обязывался предоставить русскому царю отряд вооруженных наемников. Иностранная военная помощь приобреталась дорогой ценой. Еще большие опасности таила она в будущем. Но царь Василий боялся своего народа, не верил в его силы и предпочитал иметь дело с наемниками-иноземцами, которые в любой момент могли продаться другому господину и обратиться оружием против русских людей. Военный союз с Карлом IX привел к резкому ухудшению отношений с Польшей, лишь искавшей предлога, чтобы начать открытую интервенцию против России.

Зиму и весну 1609 г. Скопин собирал и организовывал войско, а с приходом шведского отряда во главе с Яковом Делагарди выступил в мае из Новгорода к Москве. Заняв по дороге Старую Руссу, Скопин-Шуйский под Торжком одержал в июне победу над польскими отрядами Зборовского и Кернозицкого. Здесь к нему присоединились служилые люди из Смоленска, Вязьмы, Торопца, Белой и других западных городов. Число русских воинов в рати Скопина значительно увеличилось, что позволило ему повести наступление на Тверь.

11 июля в проливной дождь войско Скопина атаковало польское войско Зборовского на подступах к Твери. В первый день боя Зборовский, воспользовавшись тем, что русские и шведы действовали порознь, опрокинул иноземную конницу. Русскому войску пришлось отступить за Волгу. В польском лагере уже праздновали победу. Но Скопин, умело перегруппировав силы, 13 июля под покровом ночи нанес внезапный удар противнику и занял острог. Зборовский бежал из-под Твери. Не успевшие последовать за ним засели в крепости. Поскольку взять крепость быстро не удалось, Скопин, верный своему принципу не терять ни людей, ни времени на овладение городами, а уничтожать врага в открытом поле, снял осаду. При этом шведы выражали крайнее неудовольствие. Они жаловались на усталость, требовали денег и, главное, передачи Корелы, что всячески оттягивал царь. Взбунтовавшиеся наемники повернули назад. Верным Скопину остался только отряд Христиерна Зомме, не превышавший тысячи человек.

Покинутый наемниками, Скопин не пошел на Москву прямой дорогой, занятой поляками, а повернул к Калязину, стремясь обеспечить себе беспрепятственное сообщение с земскими ополчениями, к тому времени уже освободившими Поволжье. Отсюда он намеревался получить подкрепления для своего поредевшего войска. Действительно, ратники из Ярославля, Костромы и других поволжских городов вскоре подошли. 19 августа Скопин занял Калязин. Это открыло ему дорогу в Замосковский край и ускорило падение тушинцев.

Пополнив войско и уладив конфликт со шведами, которым в счет жалования было передано мехов на 15 тысяч руб., Скопин направился к Александровской слободе. Терпя поражение в боях, интервенты вымещали злобу на мирном населении. Они жгли деревни и села, грабили и убивали жителей. Из Александровской слободы Скопин угрожал уже непосредственно лагерю Сапеги под Троице-Сергиевым монастырем. Забеспокоился и самозванец в Тушине. Сапега решил предотвратить угрозу и первым напасть на Скопина. 28 октября их войска встретились. Польская конница добилась вначале успеха, но с вводом в бой основных русских сил тушинцы отступили. Используя систему острожков, Скопин теснил польские отряды. Их конница оказывалась бессильной перед такой тактикой русского полководца. Успехам Скопина способствовали и разногласия в польском стане. Сапега готов был пойти на соглашение с королем, начавшим открытую интервенцию в России и осадившим Смоленск, а Ружинский этому противился.

В Александровской слободе войска Скопина соединились с полками Шереметева, двигавшимися с востока. Готовясь к освобождению от осады Троице-Сергиева монастыря, Скопин послал туда отряд из 900 человек. Между тем тушинцы предпринимали отчаянные попытки овладеть Москвой до подхода объединенных сил Скопина и Шереметева. Но время их уже прошло. Тушинский лагерь разваливался на глазах. 12 марта 1610 г. Москва торжественно встречала победоносное русское войско, в которое влились земские ополчения многих городов, поднявшихся на борьбу против интервентов. Скопин въезжал в столицу в расцвете своего блестящего военного таланта. Находясь в пути, он выработал план разгрома королевского лагеря под Смоленском и отдал первые распоряжения по его реализации. Захваченный спешкой военных приготовлений, он и не подозревал, что жить ему осталось чуть более месяца.

3. Начало открытой интервенции

В сентябре 1609 г., когда Скопин приближался к Александровской слободе, Сигизмунд III приказал своим войскам, сосредоточенным под Оршей, перейти русскую границу и осадить Смоленск. Началась открытая интервенция Польши против России. Предлогом для нее явился договор России со Швецией, находившейся в состоянии войны с Польшей. «Военная партия» в Польше взяла верх над своими более осторожными противниками, надеявшимися подчинить Россию либо руками Лжедмитрия II, либо путем переговоров об унии. Но самозванец, несмотря на польскую поддержку, до сих пор не смог взять Москвы. И не было надежд, что он ею овладеет в будущем. Его позиции в стране в результате национально-освободительной борьбы русского народа 1608—1609 гг. оказались совершенно подорванными. Короля же не устраивал долгий путь переговоров. Особенно усилило королевскую партию то, что польское шляхетство на своих сеймиках высказалось за военный поход в Россию, которая, казалось, была сильно ослаблена внутренними распрями.

С первыми успехами польских войск забыла о своих планах мирного окатоличивания русских и римская курия. В канун 1609 г. папа Павел V благословил меч и шлем новоявленного крестоносца. Направляясь в поход, Сигизмунд III и его окружение надеялись на молниеносный успех. Смоленский гарнизон, ослабленный посылкой крупных отрядов к Скопину-Шуйскому, должен был, по их мнению, быстро сдаться. Свои агрессивные планы польский король пытался маскировать, заявляя в грамотах в Москву и Смоленск, что цель его похода — не пролитие русской крови и не захват территории, а умиротворение страны. Но смольняне, для которых подлинные намерения Сигизмунда III не представляли тайны, отклонили его предложение о сдаче.

Смоленск являлся по тем временам мощной крепостью. С начала польского вторжения смоленский посадский «мир» совместно с укрывшимися за городскими стенами крестьянами занял главенствующее положение в городе. Был избран земский «общепосадский» совет, в контакте с которым действовал воевода М. Б. Шеин. Земский совет принимал участие не только в обороне города, но и в переговорах с польскими военачальниками с целью выиграть время и лучше укрепить город.

Благодаря предусмотрительности М. Б. Шеина, имевшего в Польше своих лазутчиков, Смоленск не был захвачен врасплох. Окрестное население успело укрыться за стенами крепости, посады были сожжены, гарнизон приведен в боевую готовность.

После того, как смоляне отклонили предложение сдаться, польское войско начало готовиться к штурму. Королевская рать состояла в основном из кавалерии. Пехоты, столь необходимой при осаде крепостей, было мало. В польском стане недооценивали мощи смоленской крепости, готовности смолян биться до последней капли крови. На созванном королю совете, по свидетельству гетмана Жолкевского, раздавались даже голоса, сравнивавшие Смоленск со «зверинцем», который легко будет взят.

В ночь на 25 сентября 1609 г. начался штурм крепости с двух сторон — с запада и востока. Предполагалось взорвать городские ворота; одни из них — Авраамиевские — были разрушены, но в город польским отрядам ворваться не удалось. Попытки возобновить штурм 26 и 27 сентября также окончились неудачей. Поляки попытались испытать действие мин и стали вести подкопы. Однако осажденные устроили «слухи» и приняли эффективные контрмеры. Из города делались постоянные вылазки в стан врага. Небольшой группе смельчаков удалось среди бела дня переправиться через Днепр и захватить неприятельское знамя. Мужество смолян вынудило Сигизмунда III приступить к длительной осаде. Испытывая нужду в людях, он обратил внимание на Тушино, где находились польские отряды, служившие у самозванца. Лжедмитрий II уже сыграл свою роль подставного лица. Теперь он больше не был нужен. Сушествование Тушинского лагеря начинало вредить королю, ибо польские силы дробились.

В декабре 1609 г. из королевского стана под Смоленском прибыли в Тушино послы, сопровождаемые многолюдной вооруженной свитой. Они игнорировали самозванца, обращаясь к Сапеге и Ружинскому и иногда привлекая к переговорам русских тушинцев из бояр и дворян. Лжедмитрий II, еще до того сильно ограниченный в своих действиях, оказался как бы в плену у польских военачальников. Без их разрешения он не мог выехать из лагеря даже на прогулку. Опасаясь, что его убьют или выдадут польскому королю, он, переодевшись в крестьянскую одежду, ночью бежал в Калугу.

После бегства самозванца Тушинский лагерь начал распадаться. Некоторые русские дворяне и казаки перешли на сторону Шуйского. Донские казаки и те, которые были набраны из холопов и крестьян, часть южных дворян и небольшое число поляков, бывших рокошан, не пожелавших служить королю, потянулись за «царьком» в Калугу. Основная же масса польских шляхтичей присоединилась к Сигизмунду III. К ним примкнули и русские тушинцы из бояр, дворян и дьяков во главе с М. Г. Салтыковым. Чувствуя, что почва ускользает у них из-под ног, они обратились к королю с просьбой посадить на русский престол королевича Владислава. Дальнейшие события развивались с поразительной быстротой. В середине января 1610 г. М. Г. Салтыков «с товарищи» выехал из Тушина под Смоленск, 21 января был принят королем, а уже через две недели был готов договор, незамедлительно отсланный Сигизмундом III в Москву к боярам.

Договор от 4 февраля представлял собой акт национального предательства, получившего завершение в московском договоре 17 августа 1610 года. Сигизмунд III потому так теропился с его заключением, что, застряв под Смоленском, хотел как можно скорее получить хотя бы видимость законного основания для пребывания польских войск в России, против которых разгоралась партизанская война. Суть договора состояла как раз в легализации польской интервенции, борьба против которой объявлялась «незаконной». Согласно первоначальному проекту, представленному тушинскими дельцами во главе с Салтыковым, на московский престол с соблюдением православных обрядов должен был быть возведен королевич Владислав, крещенный в православную веру и венчанный московским патриархом.

К этой первой статье договора король сделал знаменательную оговорку. Оказывается, все это произойдет лишь велед «за успокоением доскональным того государства». Другими словами, король не собирался отправлять в Москву королевича до окончательного успокоения страны. А подходит ли обстановка для приезда Владислава, Сигизмунд должен был определить сам. Сын нужен был ему лишь как ширма для прикрытия собственных притязаний на русский престол. Согласно договору, польские войска предполагалось оставить в пограничных городах. Переговоры об этом с московскими боярами должны были состояться в свое время. Ясно, что эта норма, узаконившая оккупацию, могла быть распространена на любой русский город и, как показали последующие события, даже на столицу.

Агрессивные устремления Сигизмунда III, столь ясно проявившиеся в королевских добавлениях к договору, ставили под сомнение его обещания, направленные на сохранение традиционных московских политических и церковных порядков. В договоре были отмечены неприкосновенность православной веры и церковных имуществ, запрещена католическая и протестантская пропаганда, подчеркнута значимость патриарха и освященного собора. Но один католический костел на Москве все-таки заводился. И не было никаких оснований верить Сигизмунду III, ярому католику, сравнительно недавно навязавшему Украине и Белоруссии Брестскую унию, что подобных попыток не будет предпринято и в отношении России.

Особое внимание в договоре уделялось упорядочению поземельных отношений и денежных окладов в Русском государстве. В законодательстве признавалась ведущая роль земского собора, названного «думою бояр и всей земли». Но вот что любопытно. В первоначальном русском проекте для учреждения новых налогов государь должен был «советывать з бояры и з землею», то есть испрашивать согласие земского собора, тогда как в окончательном польском тексте слово «земля» Сигизмундом III было вычеркнуто. Тем самым вопрос о дополнительных налогах передавался в ведение одной боярской думы, на которую польский король рассчитывал успешнее оказывать влияние в будущем.

Наблюдались и новые моменты, свидетельствовавшие о том, что совместное пребывание русских бояр и дворян с польскими шляхтичами в Тушине принесло свои плоды. Родовитую знать нельзя было понижать без вины. «Меньших» же людей, вроде тех, кто заключил договор от 4 февраля 1610 г., надлежало повышать по личным заслугам. Боярам и дворянам разрешался свободный выезд в Западную Европу. В мусульманские же страны вольные поездки запрещались по-прежнему. Московские купцы получали право на свободный проезд через Польшу в европейские государства.

Однако все эти новшества для привилегированных слоев общества ложились бременем на плечи русского народа. Потеря национальной независимости и дальнейшее закрепощение — вот что ожидало его. Договор от 4 февраля 1610 г. не только подтверждал запрещение крестьянского выхода на всей территории Русского государства, но и накладывал запрет на выход в Литву и Польшу. Холопы также должны были пребывать в прежней неволе и служить своим господам. При этом вспоминались времена восстания И. И. Болотникова, которые, по мысли сторон, заключавших договор, не должны были вновь повториться.

После заключения этого договора Тушинский лагерь, раздираемый внутренними противоречиями, просуществовал недолго. Перед угрозой русского наступления в начале марта Руживский покинул Тушино, предварительно запалив его со всех концов. Он отступил к Мисифо-Волоколамскому монастырю, где вскоре и умер. Скопин, которому было тогда всего 24 года, пожинал плоды своих побед. Умный воевода, он пользовался большой любовью среди служилых людей. Его авторитет становился непререкаемым. Все чаще раздавались голоса, пророчащие ему царство после смерти бездетного дяди Василия, а Ляпунов хотел видеть его на престоле даже до кончины «несчастливого» царя. Дяди питали к племяннику злобу и зависть. Современник рассказывает, что Дмитрий Шуйский, наблюдая торжественное вступление в столицу Скопина с городского вала, не удержался и воскликнул: «Вот идет мой соперник»¹⁶. Хитрый же царь не подавал виду. Ненавидя племянника, он льстил ему на словах. Над Скопиным сгущались тучи. Недаром Делагарди, по свидетельству летописца, советовал ему скорее покинуть Москву и отправиться с войском на Смоленск. Но Скопину не удалось воспользоваться этим советом. Во время одного из пиров в апреле 1610 г. «на перепитии» молодой воевода впал в тяжкий недуг. «И бысть болезнь его зла, — отмечает летописец, — беспрестани бо идяще кровь из носа»¹⁷. Через две недели Скопина не стало. Распространились слухи об отравлении. Народная молва указывала на царя и его братьев. Вспомнили, что на злосчастном пире одну из чаш покойному подносила жена Дмитрия Шуйского, княгиня Екатерина, дочь Малюты Скуратова. Если Шуйские действительно решились отравить племянника, то тем самым они лишили

¹⁶ В. С. Иконников. Князь М. В. Скопин-Шуйский. «Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца». Кн. 1. Киев. 1879, стр. 137.

¹⁷ ПСРЛ. Т. XIV, стр. 96.

себя последнего шанса утвердить свою династию на престоле и собственными руками подготовили себе гибель.

В свое время победы «великого ратоборца», как называли Скопина современники, внесли уныние в польский лагерь. Интервенты, остановленные у Смоленска, с подходом русских войск могли оказаться меж двух огней. Они уже готовы были пойти на мировую, нащупывая почву для переговоров. Однако страшное Клушинское поражение резко перетянуло чашу весов в пользу интервентов. Уверенный в превосходстве собственных сил, Василий Шуйский назначил командующим армией, готовившейся Скопиным для наступления на Смоленск, своего бездарного брата Дмитрия. Служилые люди издавна не любили его за высокомерие, самонадеянность и чванство, а теперь еще обвиняли в отравлении талантливого полководца. Сорокатысячное русское войско, в составе которого было восемь тысяч иноземных наемников, выступило в июне 1610 г. из Можайска в сторону Смоленска. 24 июня под селом Клушином (в 20 верстах от Гжатска) оно было захвачено врасплох гетманом Жолкевским и полностью разбито. Гетман оставил часть отряда осаждать полки, засевшие в Царево-Займище, а главными силами ранним утром напал на спящее войско Д. Шуйского. Князь Дмитрий, надеясь на численный перевес, проявил удивительную беспечность. Ночь накануне сражения он пропировал вместе с Делагарди по случаю выдачи наемникам жалованья, а теперь бежал, бросив дорогие одежды, соборей, золотые кубки и серебряные чаши. Потеряв коня в болоте, на крестьянской лошади он приехал в Можайск, а оттуда — в Москву. По словам А. Палицына, князь Дмитрий вышел из столицы со множеством воинов, но «со срамом возвратися»¹⁸.

На трагический исход сражения повлияла и измена наемников, отношения с которыми князь Дмитрий своим неумным поведением вконец испортил. Большинство иностранцев перешло на службу к гетману Жолкевскому. Делагарди и Горн со шведским отрядом получили разрешение отступить к Новгороду. Под Клушином ненадежность иностранной военной помощи была продемонстрирована самым убедительным образом.

Василий Шуйский оказался в критическом положении. С запада на Москву двигалось польское войско Жолкевского, действовавшее от имени Сигизмунда III и усиленное наемниками и воинами, сдавшимися в Царево-Займище. С юга столице вновь угрожал Лжедмитрий II, расположившийся у села Коломенского. На призыв Шуйского служилые люди из городов не откликнулись, а Прокопий Ляпунов с рязанцами даже ответил дерзким отказом. Получив известие о смерти Скопина, он воспылал ненавистью к царю и вышел из повиновения. Действовал он, впрочем, довольно беспринципно, пытаясь завести сношения с «калужским вором». Хотел П. Ляпунов переменить на свою сторону князя Д. М. Кожарского, бывшего тогда воеводой в Зарайске, но тот отказался. Зато ему удалось сойтись с князем В. В. Голицыным, недругом Шуйского. Получил он поддержку и у находившихся в столице провинциальных дворян, особенно рязанских. Измена Прокопия Ляпунова ускорила падение царя Василия. 17 июля 1610 г. В. Шуйский был свергнут и насильственно пострижен в монахи.

После свержения Шуйского власть перешла в руки боярской думы — «седмочисленных бояр», в просторечии Семибоярщины. Не приходя никак к соглашению об избрании царя из своей среды и не желая на царство «вора», теснимые поляками и самозванцем, бояре склонились к призванию королевича Владислава. «Лучши убо государичю служити, — рассуждали они, — нежели от холопей своих побитыми быти и в вечной работе у них мучитися»¹⁹. На кандидатуру Владислава согласился и патриарх Гермоген при условии, что королевич примет православие. Национальные интересы были принесены в жертву узкословным. Гетман с польским войском приглашался боярами в защитники от Лжедмитрия II и собственных холопов. Самозванец, в свою очередь, пробовал заключить сделку с Жолкевским. Однако гетман отклонил предложения самозванца, рассчитывая приобрести для Польши большую выгоду от соглашения с московскими боярами. Жолкевский умело использовал их страх перед самозванцем, стоявшим под Москвой.

17 августа 1610 г. стараниями гетмана был оформлен договор, основанием для которого послужил договор от 4 февраля того же года. Те новшества, которые

¹⁸ «Сказание Авраамия Палицына», стр. 207.

¹⁹ Там же, стр. 208.

М. Г. Салтыков и его сторонники внесли в февральский договор, бояре вычеркнули. Им не нужно было, чтобы люди незнатные повышались по заслугам. Выступали они и против свободного выезда за границу «для науки». Зато бояре ревностно заботились о незыблемости своих родовых привилегий. По их настоянию в договоре было специально оговорено, что «московских княженецких и боярских родов приезжими иноземцы в отечестве и в чести не теснить и не понижати». Гетман обязался вести военные действия против Лжедмитрия II и попытаться склонить на свою сторону Сятегу и других поляков. «Вора» надлежало изловить или убить, а Марину — отправить в Польшу.

Собирать представителей городов на полномочный избирательный собор бояре не пожелали. Инсценировать «избрание» Владислава решили на том подобии земского собора, на котором низвергли Шуйского. Позднее сами поляки, сторонники кандидатуры на русский престол Сигизмунда III, издевались над версией о свободном избрании Владислава: «Какое тут вольное избрание, когда стоят с саблею над головой?»²⁰. 27 и 28 августа москвичи начали присягать Владиславу. Грамоты об «избрании» его царем стали рассылаться по стране. Но не все города, а среди них такие крупные, как Казань и Вятка, согласились признать несправедливый договор. С провозглашением Владислава московским царем необходимость в самозванце совсем отпала. Поэтому Жолкевский совместно с московским войском выступил против «вора» и отослал его к Калуге.

По замечанию автора Хронографа 1617 г., «седмочисленные бояре» лишь два месяца «наслаждались» властью. Ловким дипломатическим ходом Жолкевский удалил из Москвы опасных соперников Владислава — кн. В. В. Голицына и ростовского митрополита Филарета, в миру Федора Никитича Романова (по женской линии племянник Ивана Грозного), включив их в посольство к королю под Смоленск. Вместе с ними из Москвы выехало свыше 1 200 дворян и посадских людей, принимавших активное участие в политической жизни.

Бояре, заключившие с интервентами договор, чувствовали себя в Москве, как на углях. Каждую минуту они опасались народной расправы. Спасения они малодушно искали в дальнейшем расширении иностранного вмешательства. Потеряв доверие народа и отчаявшись в собственных силах, они пошли на невиданное дотоле в русской истории национальное предательство: в ночь на 21 сентября 1610 г. они впустили в Москву польские войска. Те разместились в Кремле, Китай-городе и Белом городе. Понимая, что силы русских не сломлены и польское войско в любой момент может оказаться в Москве в мышеловке, как это в дальнейшем и случилось, Жолкевский старался обращаться с боярами и патриархом подчеркнуто предупредительно, не жалея обещаний. Он скрыл от них, что уже в августе в Москву из-под Смоленска прибыл русский изменник Федор Андронов с предписанием добывать московский престол на королевское имя Сигизмунд III прочил московский престол себе, ссылаясь на то, что пятнадцатилетнему Владиславу на нем не усидеть. Назревала еще более ожесточенная борьба, к которой, по мнению Жолкевского, Польша не была готова. Поэтому он счел за благо поскорее уехать из Москвы, передав дела пану А. Гонсевскому. По дороге в Смоленск гетман, в нарушение договора, захватил с собой из Иосифо-Волоколамского монастыря в качестве пленника бывшего царя Василия Шуйского.

Переговоры русских послов с королем, начавшиеся 15 октября 1610 г. под Смоленском, затянулись. Поляки всячески убеждали их признать притязания Сигизмунда III на русский престол и послать в Смоленск предписание о сдаче, но натолкнулись на упорное нежелание главных членов посольства удовлетворить их требования. Тогда 21 ноября 1610 г. интервенты пошли на новый штурм Смоленска. Была взорвана башня и пробита брешь в стене. Осаждавшие уже врвались в город, когда были вновь отражены героическими усилиями всех смольнян.

Гонсевский отверг тактику своего предшественника, сочетавшую военную угрозу с переговорами, обещаниями, поисками компромиссных решений, и прибег к грубому диктату. Управление Москвой полностью перешло в его руки. В Кремле были размещены немецкие солдаты, у ворот поставлена стража, артиллерия приведена в боевую готовность. Чтобы облегчить передвижение по улицам польских войск в случае волне-

²⁰ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Кн. IV. М. 1960, стр. 596.

ний, были сломаны решетки, запиравшиеся на ночь. Москвичам запрещалось ходить с саблями. Нельзя было даже продавать в городе дрова, ибо из них могли изготовить колья. По вечерам жизнь в столице замирала. По улицам разъезжали польские патрули и убивали всех, кто попадался им на пути. Интервенты не давали ходить к заутрене не только мирянам, но и священникам. Они грабили купцов, своевольничали. Среди московского населения росло недовольство их действиями. В Москве Гонсевскому прислуживали М. Г. Салтыков, Ф. Андронов, ведавший казной, и другие изменники, заседавшие в важнейших приказах. Гонсевский самовольно раздавал чины, поместья и вотчины. Бояре послушно санкционировали все его распоряжения, ставили подписи под написанными им грамотами, посылавшимися в города. Они дошли до последней степени унижения.

Польские интервенты становились главным, наиболее опасным врагом. Режим же Лжедмитрия II переживал кризис. Хотя некоторые города, не признав Владислава, и целовали ему крест, а в Москве еще опасались его приступа, но силы самозванца явно слабели. Стан его поредел. Одни из его сторонников отправлялись служить либо королю, либо в Москву; другие, так называемые «лисовчики» (по имени пана Лисовского), предпочитали грабить на свой страх и риск, не подчиняясь никому. Из тушинских «бояр» остались только трое: князя Д. Г. Трубецкой и Д. М. Черкасский в Калуге, И. М. Заруцкий в Туле.

Открытая польская интервенция, осада Смоленска, хозяйничанье польских шляхтичей в Москве пробуждали национальные чувства в стране. Неприязнь казаков к полякам, открыто обнаружившаяся уже во время развала Тушинского лагеря, особенно обострилась в Калуге. Позиции «вора» заколебались. Он поспешно объявил себя защитником православной веры, предпринял репрессивные акты в отношении некоторых поляков и немцев. Лжедмитрий II погиб 11 декабря 1610 года. Дело в том, что незадолго до того он приказал убить и сбросить в Оку касимовского правителя Ураз-Махomed, оговоренного собственным сыном. Касимовские татары решили отомстить, но пока что внешне ничем себя не выдавали, по-прежнему расправлялись с неудобными «вору» лицами, несли при нем охранную службу. Самозванец, как правило, после обильных возлияний за обедом любил выезжать на прогулку. В день своей гибели он, пообедав, велел заложить сани и положить в них флаги с бражным медом. Князь Петр Урусов с несколькими десятками татар, как было заведено, сопровождал его. Когда Лжедмитрий II со своими приближенными основательно подпил, Урусов, подкакав к саням, выстрелил в него в упор из пистолета, а затем саблей отсек голову. Обезглавленного самозванца привезли в Калугу. Марина же вскоре родила мальчика. Казаки торжественно нарекли его царевичем Иваном Дмитриевичем. Однако современники пытались взять под сомнение отцовство самозванца, замечая, что Марина «родила малого невесть от кого: что многие с нею воровали».

(Окончание следует.)
